

Elena L. Konyavskaya
The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

MOSCOW AND TVER: THE END OF THE 13th – 15th CENTURIES

The paper presents material from the chronicle, act and other sources regarding the periods of union relations between Tver and Moscow. This is the union of Mikhail Yaroslavich and Daniil Alexandrovich, patronage of Moscow to Vasily Kashinsky I, the treaty of 1399 by Mikhail Alexandrovich and Vasily Dmitrievich, the line of which was continued by the allied relations of Vasily with Ivan Mikhailovich. This is a collision of the middle of the 15th century, when Boris Alexandrovich supported Vasily Vasilyevich in a critical situation.

Keywords: 13th – 15th centuries, Moscow, Tver, union of Moscow and Tver princes

УДК 94(4+7) ББК 63.3(0)4 DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0012

О. Ф. Кудрявцев
МГИМО МИД РФ, Москва, Россия. demetr22@mail.ru

ЗОЛОТАЯ БАБА НА КАРТАХ МОСКОВИИ АНТОНИЯ ВИДА:
ВОПРОСЫ ИКОНОГРАФИИ

Целью ряда европейских сочинений XV–XVI в., посвященных Руси/России/Московии, сообщает о некоей Золотой Бабе, рукотворном кумире, которому будто бы поклоняются обитатели дальнего Севера. В статье анализируется влияние этих сведений на иконографию образа Золотой Бабы, помещенного в первом (1555 г.) и втором (1570 г.) вариантах карты Московии Антония Вида. *Ключевые слова:* Московия, Россия, Антоний Вид, Золотая Баба, картография, иконография, Фортуна, эпоха Возрождения

О некоем языческом идоле в виде Золотой Бабы, которому будто бы поклонялись обитатели далекого Севера, то и дело упоминали в сочинениях XV–XVI в., посвященных описанию Руси, Московии и расположенных за нею земель. С середины XVI в. изображение Золотой Бабы появилось на изготовленных в Европе картах этих стран. В русских письменных документах сведения о поклонении жителей Севера Золотой Бабе появляются в Московском летописном своде начала XVI в. и находят отражение в младшей редакции Софийской первой летописи, в которой под 1398 г. сказано о христианском просветителе Стефане Пермском: «се бо блаженны епископ Степанъ, Божии человекъ, живяше посреде невѣрныхъ человекъ, ни Бога знающе, ни закона ведящи, молящесе идолом, огню и вѣдѣ, и каменю, и Золотою бабе, и коудесникомъ, и вѣлхвом, и древью. А се живоуще имъ около Прьми имена мѣстомъ и странамъ, и землям иноязычнымъ: Двиняне, Оустожане, Вельжане, Вычегжане, Пенежане, Южане, Сирнане, Галичане, Вятчане, Лопь, Корѣла, Югра, Печера, Вогуличи, Самоедь, Пертасы, Пермь великая, Гамаль Чюсовая...»¹. Русская летопись начала XVI в. зафиксировала, по-видимому, широко известное на Руси устное предание о языческом кумире в виде Золотой Бабы, возникшее не позже рубежа XIV–XV в. Из приведенного в летописи списка северных народностей, держащихся языческих верований, невозможно понять, какой именно поклонялся Золотой Бабе. Высказывалось мнение, что о ней сообщали еще исландские саги под именем Йомали, женского божества, которому жители Биармии, то есть Подвинья, Вятской и Пермской земель², приносили жертвоприношения золотом и серебром, хотя, согласно другой точке зрения, Золотая Баба — это вогульская богиня Куальтысьсан-торум, покровительница женской плодovitости и охоты [Трубецкой; Бегунов, с. 123, 124]³.

Впрочем, обе эти попытки идентификации не более чем предположения, не имеющие твердых оснований. Важно другое — слухи о Золотой Бабе довольно рано проникли в Европу. Уже в Хронике Ульриха фон Рихентала, составленной в 20–30-е годы XV в. по его записям о Констанцском соборе, вслед за рассказом о Новгороде описан еще один город, который, как сказано, «зывается у Золотой Старухи. Они [его обитатели] поклоняются Золотой Старой Бабе. Это царство досталось одной старой вдове. Она наделила эту землю всякими благами. И они [жители] выбирают из своей среды господина, а занятия их [добыча] соболя, птицы и мяса»⁴. В немецком тексте Хроники Рихентала название города «у Золотой Старухи» дается почему-то по-латыни: «ad Auream Vettullam». Далее идет речь о поклонении обитателей этого города некой «Золотой Старой Бабе» («guldin alt wib»), причем не уточняется, как и конкретно чему они поклоняются — изваянию, рисунку, изображению в красках или просто

¹ ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. С. 135. См. также: [Веселовский, с. 4–12; Чернецов, 1995, с. 79; Чернецов, 1988, с. 217].

² Об этом см.: [Тиандер, с. 295, 296, 409, 410, 415–426, 439]; Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. М., 2009. Т. V / Сост. А. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова. С. 114, 115.

³ О других возможных источниках этого предания о Золотой Бабе см. также: [Michow, s. 39–42; Алексеев, с. 116–121]. Последний автор среди прочих цитирует фрагмент из лекций римского гуманиста Юлия Помпония Лета по Флору (конец XV в.), где говорится об участии угров в походе готов на Рим и его разграблении, возвращении их части домой, к Ледовитому океану, вместе с какими-то статуями, коим угры все еще поклоняются. Вслед за В. Забугиным [Забугин, с. 97, 98] М. П. Алексеев полагает, что это, вполне возможно, одно из ранних известий о Золотой Бабе [Алексеев, с. 70].

⁴ «Die ander haist ad Auream Vettullam. Disselben bettend ain guldin alt wib an. Dasselb rich viel an ain alt wittwen. Die erliess das land aller eigenschaft. Und nement under inn ain herren und ist ir begangnuss zobel, gefill und flaisch» (Richtental U. von. Chronik des Constanzer Concils 1414 bis 1418 / Hrsg. von M.R. Buck. Tübingen, 1882. P. 209). См. также: [Бегунов, с. 122].

ее имени. Следует затем рассказ о старой вдове, всячески облагодетельствовавшей этот край, обитатели которого имеют, как и новгородцы, выборную власть и живут охотой. Это, похоже, первое упоминание в трудах западных авторов о почитании населением современного северо-востока Европы некоей Золотой Бабы, однако по тексту Рихенталя нельзя с определенностью заключить, что оно поклонялось именно сделанному из золота кумиру, о котором часто будут сообщать описатели России XVI в.

Рассказ о городе «у Золотой Старухи» и почитании его обитателями некоей «Золотой Старой Бабы» Рихенталь мог записать, вероятно, со слов новгородских послов, хотя вопрос, насколько достоверно он передал их сообщение, остается открытым. Следует отметить, что в редакции первого печатного издания Хроники Рихенталя (Дугсбург, 1483 г.) фрагмент о Золотой Бабе опущен, поэтому, скорее всего, широкую известность в Европе сведения о ней получили после публикации «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского (1517 г.) и в версии, которую давал этот автор. Переходя к рассказу о странах и народах дальнего Севера, Матвей Меховский дважды описывает поклонение туземцев некоему «большому идолу, золотой бабе (Zlota baba), что переводе (на латынь. — О. К.) значит золотая старуха (aurea anus или aurea vetula)». Она находится, как сказано в первом случае, «за областью, называемой Вятка, по дороге в Скифию» или, как во втором случае, — «в пределах области, именуемой Вятка, за Московией». Откуда он взялся и что означает, в первом варианте нет ни слова. Сказано только, что его «весьма чтут и поклоняются ему» окрестные племена и никто «не минует идола с пустыми руками, без приношения»: если нет другого дара, «бросают перед идолем звериную шкуру или хоть волос, вытянутый из одежды, и, склонившись с почтением, идут дальше».

Во втором варианте дана ссылка на «старейшего историка» («historicus vetustissimus»), который, опираясь на предания югров, или венгров, поведал дивную историю: будто бы, перемещаясь из Югры к Меотидским болотам (= Азовскому морю), люди этой народности «в пределах Белой Руси видели ледяного идола (idolum glaciale): случилось так, что в день Рождества Христова пошел ледяной дождь и образовал фигуру Девы, держащей Младенца в венце; но изображение Младенца стало таять и ко дню Обрезания вовсе исчезло; образ девы изо льда местные жители пытались растопить, зажегши костры, но ничего не вышло; образ этот сохранился и поныне в Вятской области и зовут его “золотая старуха”»⁵.

Кто такой «старейший историк, описавший приход венгров» и был ли он вообще, выяснить пока не удастся. Впрочем, предание о Золотой Бабе, почитаемой обитателями Севера, Матвей Меховский мог найти у немецкого хрониста Констанцского собора Ульриха фон Рихенталя (хотя надо заметить, что сведения обоих авторов о ней очень разнятся) и соединить с ним рассказ о чуде с ледяным образом Богородицы. Надо признать, правда, что подобное отождествление христианского образа с языческим идиолом в сочинении католического клирика выглядит по меньшей мере странновато. Как бы то ни было, но после Матвея Меховского о Золотой Бабе сообщали другие описатели Московии и сопредельных ей территорий, изображение ее попало и на географические карты.

В сокращенном виде информацию Матвея Меховского повторил Иоганн Боэмус в сочинении «Нравы, законы и обычаи всех народов», вышедшем в 1520 г. в Дугсбурге. Его зависимость от предшественников выдает приведенная им польская транскрипция названия идола «Zlota baba», то есть золотая старуха. Этого идола, пишет он, чтят настолько, что всякий, проходя мимо, если даже у него нет ничего другого, в качестве приношения предлагает хотя бы волос, вытянутый из одежды, и простирается перед ним ниц. Пересказ отрывка Матвея Меховского о Золотой Бабе не вполне точен, у польского космографа нет последних слов о том, что перед этим идиолом простираются ниц.

У Герберштейна Золотая Баба служила для маркировки определенного географического региона. По-видимому, без нее в Европе уже не могли обойтись при описании земель Севера. «В низовьях Оби до Золотой Старухи (Aurea anus, die guldene Vettl), где Обь впадает в океан, находятся реки...» — сказано в «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна, первым изданием вышедших в Вене в 1549 г. Далее поясняется: «Золотая Баба (Slata baba), то есть Золотая Старуха, — это идол, стоящий при устье Оби в области Обдора (Obdora), на том (ulterior, jenig) берегу... Рассказывают, выражаясь вернее, баснословят, будто идол Золотой Старухи — это статуя в виде старухи, держащей на коленях (in gremio) сына, а там уже снова виден ребенок, про которого говорят, что это ее внук. Более того, будто бы она поставила там некие инструменты, издающие постоянный звук вроде труб. Если это так, то я полагаю, что это происходит от сильно и постоянно дующего на эти инструменты ветра»⁶. По утверждению Герберштейна, сведения о ней в числе прочих других он получил из «русского дорожника», но они не внушают ему доверия⁷.

Хорошо знакомый по трудам более ранних землеописателей идол, известный как Золотая Баба, появляется в одном месте «Истории северных народов» шведского космографа Олауса Магнуса, вышедшей в свет в 1555 г. «Вспоминает кроме того выше упомянутый историк, что на границе между литовцами и москвитами на проезжей дороге воздвигнуто изваяние, на их языке именуемое Zlota baba, сиречь золотая старуха», — сказано у Олауса

⁵ Mathias de Miechow. Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis. II. II. 1; Ioanni Haller // Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / Введение, перевод и комментарии С. А. Аннинского. М.; Л., 1936. С. 192, 196 (С. 116, 120).

⁶ Herberstein S. Rerum moscovitarum commentarii // Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. I. С. 370–373.

⁷ Ibid. С. 370–375.

Магнуса. «Выше упомянутый историк» — это Матвей Меховский (*Mechouita*), название идола, как и сведения о нем, шведский ученый берет будто бы у него. Вместе с тем польский автор помещает идол гораздо дальше на северо-востоке, по дороге из Вятки в Скифию (что на крайнем севере) или — в другом случае — в пределах Вятки за Московией; но никак не на рубеже этой страны и Литвы. Таким образом, Олаус Магнус допускает явное и ничем не объяснимое искажение заимствованной у своего предшественника информации. И цель такого искажения непонятна.

«Одинокие путники, — пишет он далее в согласии с другими авторами, — задабривают ее (Золотую Бабу. — О. К.) какими-нибудь подарочками, даже если ценой они не превосходят волосок, вырванный из меха; иначе те, кому предстоит дорога, не будут в безопасности»⁸.

Аналогию «Золотой бабе» Олаус Магнус усматривает в некоей морской скале, расположенной у южного побережья Готии, морями именуемой Дева (*Virgo mons*), которую они также задабривают детскими подарочками (*munusculis puellis*), чтобы избежать опасностей. Указание на сведения о ней в двадцать третьей главе второй книги своего произведения он дает вслед за описанием Золотой Бабы, как и на некие «дивные чудеса», рассказанные Альбертом Крантцем в его «Вандалии»⁹.

На географические карты изображение Золотой Бабы попадает довольно поздно. Впервые оно представлено на карте Московии, созданной Антонием Видом из Гданьска в сотрудничестве с русским беглецом Иваном Ляцким¹⁰ в 1537–1542 г. и напечатанной в 1555 г. (см.: [Кудрявцев]). В крайнем левом ее углу, к западу от Оби, дана картина поклонения туземного северного народа абдоров (*Abdori*) некоему идолу — стоящей на высоком постаменте в виде тумбы обнаженной женской фигуре, держащей в руках огромный изогнутый рог изобилия, вокруг разбросаны дары — шкурки животных (Рис. 2). На другом варианте этой карты, выпущенном Хогенбергом в 1570 г., на том же самом месте представлена фигура другой женщины — на невысоком четырехугольном камне (?) в длинном одеянии с младенцем в руках, а число поклоняющихся ей местных жителей уменьшено с семи до четырех, приношения представлены лишь одной шкуркой (Рис. 3). Рядом и с тем и с другим изображениями надпись, и первые ее слова даны кириллицей «Золотая Баба», за ними разъяснение: «То есть золотая старуха, идол, коего почитают обитатели сих мест» («*Nos est aurea uetula idolum quod huius partis incolae adorant*»). Бросается в глаза явное несоответствие между изображениями и пояснительной надписью, ибо на обеих картах представлены женщины молодого возраста, никак не старухи.

Конечно, Ляцкий привел русское написание Золотой Бабы, а также имя северного народа, будто бы ей воздающего божеские почести, но пояснение изображенного создал или, по крайней мере, перевел на латынь Антоний Вид; и, более того, можно быть вполне уверенным, что именно Вид, выражая большой и небескорыстный интерес западного мира к этому диковинному и заманчивому языческому кумиру, настоял на его включении в карту, причем в столь акцентированном виде, что он не мог остаться незамеченным даже при поверхностном ознакомлении с ней. Стоит добавить, что рассмотренное изображение проливает свет на смысл краткого замечания в инскрипции о живущих вблизи севера людях, «упорствующих в застарелом безумии», — теперь понятно, что речь идет о сохраняющемся в их среде язычестве, в частности о поклонении рукотворному идолу.

Заслуживает внимания то, что в обоих случаях, то есть в первом и втором вариантах карты, для представления Золотой Бабы были использованы известные искусству Возрождения иконографические образы. В первой карте Московии, подготовленной Видом, рог изобилия в руках обнаженной женской фигуры определенно свидетельствует о том, что Золотая Баба показана в образе Фортуны Урожая или Фортуны Счастья, сложившемся в искусстве Древнего Рима (Рис. 4) и из него унаследованной художественной практикой последующих эпох. Почему был взят именно этот образ Фортуны, а не какой-то другой — а их известно немало, — объясняется, скорее всего, тем, что Фортуна Счастья/Урожая воспринималась прежде всего как дарительница и распределительница земных, материальных благ¹¹. Обратиться к ней Вида или художника-гравировщика, работавшего по его заказу, побудило, по-видимому, то место в Хронике Рихенталя, в котором говорится, что Золотая Старая Баба как бы представляет некую «старую вдову», наделившую доставшиеся ей земли «всякими благами». Вот чтобы передать щедрость и великодушие прототипа Золотой Старой Бабы, этому идолу и был придан облик Фортуны Счастья/Урожая.

Что касается изображения Золотой Бабы у Хогенберга некоторое время спустя, то иконография его совершенно ясна — Богородица с младенцем Иисусом. Основания для ее использования могли дать как Матвей Меховский, писавший, что «золотая старуха» — это образ Девы с Младенцем, созданный ледяным дождем, так и Герберштейн, который сообщал, ссылаясь на доступные ему известия, будто Золотая Баба представляет собой статую старухи

⁸ «Meminit praeterea historicus antedictus (*Mechouita*. — О. К.), in confinibus Lituorum ac Moscovitarum, statuum esse publico itineri impositam, quae patria lingua Zlotababa dicitur, id est, aurea vetula: quam singuli viatores certis munusculis placant, etiam si pili valorem non excedant: alioquin suscepti itineris nullam habituri securitatem...» (*Olaus Magnus. Historia de gentibus septentrionalibus. Romae, 1555. III.1. С. 97*). По тому, что и в основном тексте, и в маргиналии «Zlotababa» Олаус Магнус дает без пробела, видно, что он воспринимает это сочетание как одно слово.

⁹ *Ibid.* См. также: *Ibid.* II.23. С. 85.

¹⁰ Подробнее об Иване Ляцком см.: [Замысловский, с. 89–93; Michow, s. 18, 19; Зимин, 1972, с. 184, 306, 367, 370–371, 419; Зимин, 1988, с. 187, 188; Кром, с. 102–106].

¹¹ См. работы: [Rocher, s. 1506, 1512, 1530–1540; Patch, 1922, p. 155; Patch, 1967, p. 120, 121; Doren, Tafel I].

с сыном на коленях¹². Чту заставило Хогенберга отказаться от изображения Золотой Бабы в виде Фортуны Счастья/Урожая, предпочтя образ Богоматери с Сыном, и повлияло ли как-то на эту перемену развертывание Контрреформации, враждебной к любым проявлениям паганизма в искусстве и науке, остается только гадать.

Литература

- Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941.
- Бегунов Ю. К. Раннее немецкое известие о Золотой бабе // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. 1976. № 11. Вып. 3. С. 122–124.
- Веселовский Н. Мнимые каменные бабы. СПб., 1905.
- Забугин В. Юлий Помпониус Лэп. Критическое исследование. СПб., 1914.
- Замысловский Е. Описание Литвы, Самогитии, России и Московии Себастиана Мюнстера (XVI века) // ЖМНП. 1880. Ч. 211. № 9. С. 66–123.
- Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.
- Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.
- Кром М. М. Судьба авантюриста: князь Семен Федорович Бельский // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4. С. 98–115.
- Кудрявцев О. Ф. Карта Московской Руси Антона Видя и Ивана Ляцкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 2 (68). С. 40–57.
- Тиандер К. Поездки скандинавов в Белое море. СПб., 1906.
- Трубецкой Н. С. К вопросу о «Золотой бабе» // Этнографическое обозрение. 1906. № 1–2. С. 52–62.
- Чернецов А. В. Посох Стефана Пермского // ТОДРА. Л., 1988. Т. 41. С. 215–240.
- Чернецов А. В. «Самотворитель новые грамоты» Стефан Пермский // Древнерусская книжность (Творчество и деятельность Стефана Пермского, естественнонаучные и сокровенные знания на Руси). М., 1995. С. 48–118.
- Doren A. Fortuna im Mittelalter und in der Renaissance // Vorträge der Bibliothek Warburg. II. I Teil (1922–1923). B.–Leipzig, 1924. S. 71–144.
- Michow H. Die ältesten Karten von Russland, ein Beitrag zur historischen Geographie. Hamburg, 1884.
- Patch H. The Tradition of the Goddess Fortuna in Roman Literature and in the Transitional Period // Smith College Studies in Modern Languages. Northampton; Paris, 1922. Vol. III. № 3. P. 129–177.
- Patch H. The Goddess Fortuna in Medieval Literature. N. Y., 1967 (1-е изд. – 1927).
- Rocher W. H. Ausführliches Lexikon der Griechischen und Römischen Mytologie. Leipzig, 1886–1890. Bd. 2. Col. 1503–1549.

Oleg F. Kudryavtsev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia

THE GOLDEN WOMAN IN THE ANTONIUS WIED'S MAPS OF MUSCOVIE: PROBLEMS OF ICONOGRAPHY

A number of writings, dedicated in the 15th – 16th centuries Europe to the description of Rus' /Russia/Muscovite, give some information about a Golden Woman, the hand-made idol, which the inhabitants of the far North worshiped. The paper analyses the influence of this information on the iconography of Golden Woman in the first (1555) and in the second (1570) editions of the map of Muscovie, made by Antonius Wied.

Keywords: Muscovie, Russia, Antonius Wied, Golden Woman, cartography, iconography, Fortune, Renaissance

Рис. 1. Репродукция изображений Золотой Бабы на картах латинского издания «Записок о Московии» Герберштейна 1551 г. и немецкого – 1557 г.

¹² Стоит заметить, что на картах, напечатанных в сочинениях Герберштейна, изображения Золотой Бабы расходятся с данным им ее описанием: на карте латинских изданий «Записок о Московии» 1551 и 1556 г. Золотая Баба походит на Минерву с копьем в руке, на карте немецкого издания 1557 г. она представлена в виде Золотой старухи (Guldene vetl), сидящей на троне, левой рукой поддерживающей ребенка, а в правой держащей жезл или дубинку (Рис.1); в антверпенском издании 1557 г. она изображена как стоящая Богородица с Сыном на руках, слева к ней прижимается еще один ребенок, а перед ней два почитающие ее человека на коленях (см. в этой связи: [Алексеев, с. 118]; Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 139, 146, 149). Ср. с этим последним изображением то, как она представлена на карте Московии А. Дженкинсона (1562 г.): женщина одного ребенка держит на руках, а другой стоит, прижавшись к ней слева, рядом два человека на коленях о чем-то просят идола (см.: [Веселовский, с. 6–8; Алексеев, с. 117–118]).

Рис. 2. Карта Вида 1555 г.
Деталь с изображением Золотой Бабы

Рис. 3. Карта Вида 1570 г.
Деталь с изображением Золотой Бабы

Рис. 4. Фортуна с рогом изобилия.
Позднеримская статуэтка.